

УДК 327.2

В. И. Мусаев

СТРАТЕГИЯ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ НА ВОСТОКЕ

Война против Советского Союза имела особое значение для политического и военного руководства нацистской Германии, она выходила за рамки обычного военного столкновения. А. Гитлер, рассуждая о задачах германской политики на Востоке в своей книге «Майн Кампф», подходил к ним с точки зрения своей теории «жизненного пространства» (“Lebensraum”). По мнению Гитлера, «свобода существования для народа может быть обеспечена лишь одним способом: через жизненное пространство». «Когда же мы говорим о новой земле», продолжал фюрер, «мы можем думать в первую очередь о России и подчиненным ей окраинным государствам» [1, S. 19]. В понятие освоения «жизненного пространства» входило не только традиционное завоевание территории и покорение других народов, но и заселение завоеванных земель немцами. Расширение германского «жизненного пространства» Гитлер обосновывал прежде всего якобы насущной необходимостью обеспечить питанием немецкий народ. Территориальное протяжение этого «жизненного пространства» в «Майн Кампф» выглядит несколько туманно, хотя Гитлер успел уже подумать о черноземных областях Украины и юга России и нефтяных месторождениях Кавказа, «где есть нефть, зерно и вообще все, что необходимо для обеспечения жизненного пространства, земля, где текут молочные реки с кисельными берегами» [2, S. 187]. Достоянием гласности стало еще одно высказывание фюрера, которое он сделал в узком кругу высших руководителей Рейха незадолго до нападения на СССР: «Нам самим должно быть совершенно ясно, что мы из этих областей никогда уже не уйдем... Империя лишь тогда будет в безопасности, если западнее Урала не будет существовать чужой армии... В основном виде дело сводится к тому, чтобы освоить огромный пирог с тем, чтобы мы, во-первых, овладели им, во-вторых, управляли и, в-третьих, эксплуатировали» [3, с. 49–50].

Гитлер ожидал конкретной экономической пользы от завоеванного пространства. Тем чаще он оправдывал нападение на Советский Союз аргументами хозяйственного характера. Эти экономические интересы надо учитывать, чтобы понять планы эксплуатации по отношению к советской территории. Однако не следует рассматривать хозяйственные интересы в отрыве от мировоззренческих. Вопрос заключался не в приоритете мировоззрения или экономики. Скорее следует исходить из тесного переплетения идеологии с экономическим мышлением, которые взаимно обуславливали друг друга и влияли друг на друга. Уже при подготовке «плана Барбаросса» внимание уделялось экономическому использованию завоеванной территории. Те, кто составлял хозяйственные планы Третьего Рейха, рассчитывали в течение следующего года войны поднять снабжение немецкого гражданского населения до возможно более высокого уровня. Баланс питания в Германии развивался негативно. В Рейхе никто еще не голодал, но запасы зерна в 1940–1941 гг. существенно убавились. Правительство было серьезно озабочено таким ходом дела, так как в националистических и консервативных кругах твердо укоренилось убеждение, что Первая мировая война была проиграна из-за крушения тыла, вызванного, в свою очередь, неудовлетворительным продовольственным снабжением. Готового решения проблемы под рукой, однако, не имелось. Блокада с моря в значительной степени отрезала Германию от морских транспортов, а возможности поставок из стран Южной Европы были на исходе.

Такое развитие событий не было неожиданностью. Уже в августе 1939 г. составители плана прогнозировали, что континентальная Европа без «хозяйственного присоединения России» не сможет противостоять блокаде. В ситуации, сложившейся на международной арене в 1939–1940 гг., правительство Рейха могло рассчитывать на рост поставок зерна из Советского Союза, однако этого можно было добиться лишь ценой поставок промышленных товаров и военной продукции. Тогда пришлось бы заплатить и политическую цену: Германия могла бы оказаться в сильной зависимости от Советского Союза. Советское правительство могло увеличить поставки лишь за счет ограничения внутреннего потребления. Германско-советское сотрудничество для Гитлера с самого начала было чисто тактическим ходом. 11 августа 1939 г., за две недели до подписания договора о ненападении с

Советским Союзом, он изложил свою стратегию в разговоре с комиссаром народного союза в Данциге К. Я. Буркхардтом: «Все, что я предпринимаю, направлено против России. Если Запад будет слишком глух и слеп, чтобы это понять, мне придется договориться с русскими, чтобы нанести удар Западу, а после его поражения я со всеми своими силами обращусь против Советского Союза. Мне нужна Украина, чтобы нам не пришлось, как в последнюю войну, снова голодать» [2, S. 188].

Когда началось составление планов «похода на Россию», возникла следующая «проблема»: как будут снабжаться три миллиона солдат вермахта в Советском Союзе? Весь поход был задуман в огромных масштабах так, что проблемы со снабжением не могли не возникнуть. Глубина операции составляла до 2000 километров, что делало невозможным снабжение дорожным транспортом: потребовалось бы слишком много бензина. Поэтому основную роль должны были сыграть железнодорожные перевозки, однако возникала проблема приспособления к более широкой российской железнодорожной колее. К тому же Советский Союз связывали с Западом лишь несколько линий. Так что имелась возможность ввозить в страну лишь самое необходимое. Решение проблемы заключалось в том, чтобы три миллиона солдат вермахта снабжали сами себя на месте.

В германских планах войны на Востоке, наряду с экономической составляющей, присутствовала идеологическая. Для нацистской верхушки это была не только война за «жизненное пространство», за возможность хозяйственной эксплуатации завоеванной территории и получения дарового продовольствия, сырья и других ресурсов. Борьба с Советским Союзом трактовалась как столкновение двух мировоззрений, как новый крестовый поход на Восток. Выступая 30 марта 1941 г. перед представителями высшего немецкого генералитета, Гитлер отмечал, что новая война будет радикально отличаться от войны на Западе: «Речь идет о войне на уничтожение. Если мы не поймем это, мы не сможем до конца победить врага, и через 30 лет мы снова окажемся лицом к лицу с коммунистической угрозой. Мы ведем войну не для того, чтобы законсервировать своего врага» [4, S. 50]. Свою роль играла и нацистская расовая теория, которая трактовала славянские и другие народы как «низшую расу», предназначением которых должно было стать подчинение «арийской расе» господ. Гитлер, говоря об экс-

плуатации захваченных территорий на Востоке, проводил аналогии с британским колониальным господством в Индии. Население «германской Индии», то есть, Советского Союза, было для него не более, чем массой «белых рабов» [1, S. 19–20]. При достижении поставленных целей следовало отбросить какие бы то ни было моральные соображения. Еще 25 мая 1940 г. Г. Гиммлер письменно доложил Гитлеру соображения об обращении с населением захваченных территорий, которые были одобрены и утверждены фюрером в качестве директивы под названием «Некоторые соображения об обращении с местным населением восточных областей». Как видно из этого документа, нацистская политика была рассчитана на физическое уничтожение и полную ликвидацию отдельных славянских народов [5, с. 20].

На протяжении месяцев, предшествовавших нападению на Советский Союз, в Германии формировались политические и хозяйственные структуры, которые должны были осуществлять управление оккупированными восточными территориями. 10 декабря 1940 г. верховное командование представило первый подробный доклад, в котором были изложены соображения об использовании ресурсов на Востоке. В феврале 1941 г. был образован штаб «Ольденбург» и обрисован круг его компетенции; «Ольденбург» стал затем кодовым названием для образованного месяцем позже «Хозяйственного штаба Ост» («Wirtschaftsstab Ost»). Штаб находился под надзором Г. Геринга, постоянным представителем которого был статс-секретарь П. Кёрнер. Фактически работой штаба заправлял генерал-лейтенант доктор фон Шуберт, старый офицер рейхсвера. При каждой группе армий на фронте Шуберт имел своего уполномоченного – «экономического инспектора». В работе штаба принимал участие, помимо прочих, генерал Г. Томас, руководитель «Управления военной экономики и вооружения ОКВ»* («Wehrwirtschafts- und Rüstungsamt im OKW»). Несколько позже в системе штаба был учрежден пост «генерального инспектора по сбору и использованию сырья в оккупированных восточных областях». На эту должность был назначен генерал-лейтенант В. Виттинг, связанный с угольно-металлургическим концерном Ф. Флика [4, S. 55].

Также в марте началась разработка будущей политической организации завоеванных территорий, которые предполагалось расчленить на не-

* ОКВ (OKW) – Верховное командование Вермахта (Oberkommando Wehrmacht).

сколько областей, среди которых выделялись Великороссия (Московия), Белоруссия, Украина и Крым, Прибалтика, Донецкая область, Кавказ и Туркестан. Основная роль в разработке этих планов принадлежала ведомству А. Розенберга. 20 апреля Розенберг был назначен уполномоченным по центральному контролю над вопросами, связанными с восточноевропейскими областями. Незадолго до нападения на СССР Розенберг представил план образования на будущей оккупированной территории четырех обширных областей – «рейхскомиссариатов»: Остланд, в который должны были войти Прибалтика и Белоруссия, Украина, Москва и Кавказ [1, S. 65]. Эти территории подлежали переводу под гражданское управление.

Весной–летом 1941 г. был принят ряд инструкций и директив, в которых определялась система политических и хозяйственных мероприятий на оккупированных территориях. Одной из основных среди них была «Инструкция об особых областях к директиве № 21 (плана Барбаросса)», датированная 13 марта 1941 г. и подписанная верховным главнокомандующим фельдмаршалом В. Кейтелем. Из этого документа следует, что неотъемлемой частью плана «Барбаросса» была ликвидация советского государства как политического целого, его расчленение на отдельные области. Командующие войсками в соответствующих областях и рейхскомиссары наделялись полномочиями верховной военной власти с неограниченными правами в отношении гражданского населения. Ведомство Г. Гиммлера должно было выполнять «специальные задачи» (Sonderaufgaben) по подготовке политического управления, т. е. по установлению жестокого террористического режима на оккупированных территориях. Ему вменялось в обязанность действовать, исходя из идеи «решительной борьбы двух противоположных политических систем». «Специальные задачи», осуществление которых целиком передавалось в руки генералов и офицеров СС, и право действовать «самостоятельно и на свою ответственность» означали невиданный террор, грабежи, насилия и убийства военнопленных и мирных граждан [4, S. 61]. Через несколько дней, 26 марта, генеральный штаб армии представил проект приказа о координации взаимодействия между органами полиции безопасности и СД и армией. Этот проект лег в основу приказа «О принципах деятельности полиции безопасности и СД в войсковых соединениях» от 28 апреля 1941 г., подписанного командующим арми-

ей В. фон Браухичем. Приказ предусматривал размещение подразделений СД в тыловых областях армий и групп армий и подчеркивал коллективную ответственность органов СД и армии за проведение планируемых карательных операций [4, S. 64]. С формировавшейся системой террора и насилия был связан и так называемый «комиссарский приказ», проект которого представил 6 мая 1941 г. генерал Э. Мюллер, прикомандированный к командующему армией для выполнения особых задач. В проекте предусматривалось немедленно расстреливать политруков Красной Армии и других партийных функционеров, а также «иных значительных политических деятелей, которые попадут в руки войск». Приказ, в несколько переработанном виде, под названием «Директивы по обращению с политическими комиссарами» был подписан 6 июня 1941 г. по поручению Кейтеля начальником «отдела сухопутной обороны» (Abteilung Landesverteidigung) при штабе Вермахта генералом В. Варлимонт [4, S. 61–62].

29 апреля Гитлер проводил совещание с руководителями отделов Вермахта по обсуждению хозяйственного раздела плана «Барбаросса» (плана «Ольденбург»). В протоколе совещания речь шла о назначении Г. Геринга уполномоченным по управлению экономикой захваченных советских территорий, причем заблаговременно планировалась организация центров оккупационного режима в отдаленных от западной границы городах. Директива «О военной подсудности в районе “Барбаросса” и об особых полномочиях войск» от 13 мая за подписью фельдмаршала В. Кейтеля требовала применения к советскому населению на захваченных территориях «массовых насильственных мер» и снимала с военнослужащих Вермахта ответственность за любые насилия над мирными гражданами. Наконец, еще один документ, «Двенадцать заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими», инструкция, подписанная уполномоченным по продовольствию и сельскому хозяйству статс-секретарем Г. Бакке от 1 июня, провозглашала оккупационный режим на территории СССР «вечным» и требовала от чиновников германской оккупационной администрации «проводить самые жестокие и самые беспощадные мероприятия» [5, с. 17–18].

2 мая 1941 г. руководитель «Хозяйственного штаба Ост», генерал-лейтенант фон Шуберт, пригласил государственных секретарей ключевых хозяйственных министерств и других чиновников хозяйственных органи-

заций для беседы относительно «плана Барбаросса». Здесь цели Германии в оккупированных советских областях были обозначены следующим образом: «1. Вести войну дальше только в том случае, если весь Вермахт на третий год войны будет накормлен за счет России. 2. При этом миллионы людей безусловно погибнут от голода, если мы будем вывозить из страны то, что нам необходимо» [4, S. 59]. В частности, предусматривался вывоз 10 миллионов тонн зерна в течение первого года войны и еще семи миллионов в течение следующего года. Интересы населения оккупированной территории при этом вообще не принимались во внимание [6, p. 88]. Здесь надо выделить два ключевых пункта немецкой эксплуатационной политики. В первом пункте завоевание и эксплуатация Советского Союза представлены как условие продолжения всей войны. Во втором пункте открыто говорится, за чей счет эта эксплуатация должна проходить. Голодная смерть «нескольких миллионов» являлась неотъемлемой частью эксплуатационной концепции, она была рассчитана заранее.

Эта программа была конкретизирована в «Хозяйственно-политических директивах хозяйственного штаба Ост», принятых 23 мая 1941 г. Его авторами были упоминавшийся выше Г. Бакке и его ближайший сотрудник Х.-Й. Рике, руководитель группы сельского хозяйства в «хозяйственном штабе Ост». Их расчеты исходили из продолжения похода на восток до линии Архангельск–Астрахань. Исходный пункт проекта состоял в том, что российский экспорт сельскохозяйственной продукции по сравнению с годами перед Первой мировой войной заметно сократился, хотя площадь возделываемых полей в России значительно увеличилась и урожаи остались примерно на прежнем уровне. Сокращение экспорта Г. Бакке и Х.-Й. Рике объясняли ростом собственных потребностей, к которому привел рост численности населения России, особенно городского. Отсюда следовало заключение: «Излишек зерна в России определяется не размерами урожая, а размерами внутреннего потребления». Вывод из этого анализа был прост: «Так как Германия и Европа при любых обстоятельствах нуждаются в увеличении импорта, это потребление должно быть соответственно снижено». Посредством простых расчетов они высчитали, что при сокращении годового потребления на душу населения с 250 кг зерна до 220 «освобождается» излишек в 8,7 миллионов тонн [2, S. 189].

Следовало, однако, добиться такого сокращения потребления. Предпосылки для этого были в России, по мнению авторов проекта, особенно хороши, «так как производящие области резко отделены от потребляющих». Здесь в качестве «производящей области» или «области излишек» (“Überschußgebiet”) были определены черноземные районы на юге и юго-востоке Советского Союза – Украина, юг России и Северный Кавказ, а в качестве «потребляющей» (“Zuschußgebiet”) – «лесная зона» с подзолистыми почвами – территория Белоруссии и Северной и Центральной России до Урала, включая Ленинград и Москву. Так как излишки, производившиеся в черноземных областях, потреблялись северными районами, следовало черноземные области отделить от них и использовать излишки урожая для покрытия потребностей Вермахта, Германии и остальной Европы. В «директивах» говорилось: «Следствием является прекращение поставок во всю лесную зону, включая западные промышленные центры Москву и Петербург», что повлечет за собой «как неизбежный паралич промышленности, так и вымирание значительной части населения бывшей потребляющей области» [7, S. 404–405].

Речь шла, таким образом, об искусственно организованном голоде (в немецкой исторической литературе позднее писали о «голодной политике» или «голодной стратегии»). Эта «голодная политика» рассматривалась, однако, не как средство достижения цели при эксплуатации занятой территории, а как «неизбежное» следствие перекачки продовольственных припасов на нужды армии и в Германию. До того речь шла лишь о сокращении потребления, а теперь вся Северная и Центральная Россия оказывалась лишена какого бы то ни было продовольственного снабжения и предоставлена сама себе. То, что последствием такой политики был бы «несомненный голод», учитывалось составителями плана в хозяйственном штабе Ост: «10 миллионов человек в этой области являются лишними, они должны умереть от голода или отправиться в Сибирь» [2, S. 190].

Отсюда явствует собственно «решение проблемы». Чтобы добиться получения излишков российской сельскохозяйственной продукции в размерах периода до Первой мировой войны, нужно было «восстановить» тогдашнее соотношение населения. Прежде всего, надо было обратить вспять рост городского населения на 30 миллионов. Крестьянам на юге следовало

обеспечить приемлемые условия существования, чтобы они могли производить необходимые излишки. Всех же «лишних едоков» надо было привлечь к «практическому труду» или выслать в «лесную зону». Бакке и Рике оправдывали эту политику голода тем, что попытки накормить советское население стали бы делаться за счет жителей Германии, которое могло бы проявить недовольство.

Эти «директивы» не пропали даром. Согласно письму доктора Ф. Рихтера, референта Геринга по восточным вопросам, «тезисы Бакке» «оказали значительное влияние на хозяйственное планирование восточного похода». Бакке рассчитал, что около 30 миллионов человек в Советском Союзе должны пасть жертвой голодной политики. Отныне этой цифрой оперировали также те, кто принимал политические решения в Третьем Рейхе. На встрече группенфюреров СС в Вевельсбурге Гитлер заявил, что «целью русского похода является сокращение славянского населения на 30 миллионов», а Геринг объявил министру иностранных дел Италии графу Г. Чиано: «В этом году в России умрут от голода от 20 до 30 миллионов человек. Возможно, это неплохо, что численность некоторых народов будет сокращена» [8, S. 365].

В июне 1941 г., появился еще один документ: «Директивы по хозяйственному руководству в недавно занятых восточных областях», известные как «Зеленая папка» (“Grüne Mappe”), предписания которой подлежали исполнению со стороны не только хозяйственных органов, но и военного руководства. «Зеленая папка» предусматривала: «Полное овладение всем имеющимся в оккупированных советских областях хозяйственным имуществом, которое представляет интерес для дальнейшего ведения войны Германией, в первую очередь концентрация продукции сельского хозяйства, равным образом всего другого сырья, важного в военном отношении, которого не имеется в достаточном количестве в Германии и остальных занятых странах и областях Европы; безусловное обеспечение Вермахта питанием посредством непреклонной конфискации запасов, имеющихся в оккупированных областях, и использования продукции сельского хозяйства; восстановление и пуск предприятий, которые служат вышеуказанным задачам, при одновременном угасании остальной промышленности, поскольку она не требуется для целей вооружения и задач по непосредственному

обеспечению Вермахта» [4, S. 55–56]. Документы «Зеленой папки» подтверждают преднамеренность немецких планов расчленения и ограбления советских территорий.

Планируя поход на Восток, нацисты не забыли подумать и о грабеже культурных богатств своего будущего противника. Центральное руководство этой «деятельностью» на протяжении всей войны осуществлял специальный айнзацштаб, подчиненный Розенбергу. В период непосредственной подготовки к войне было образовано «Центральное ведомство по изъятию и хранению культурных ценностей в занятых восточных областях», которым руководил Г. Утикаль. Его задача состояла в том, чтобы собирать ценные документальные материалы и научные работы в архивах и библиотеках, произведения искусства в музеях, картинных галереях и т.д. и отправлять их в Германию. С этой целью при каждой армии были образованы айнзацштабы ведомства Утикаля. В инструкции генералквартирмейстеру армии от 5 апреля 1941 г. ОКВ требовало создавать уполномоченным Розенберга «благоприятные условия для работы, чтобы они могли быстро и беспрепятственно выполнять свои задачи» [4, S. 60].

Накануне нападения на Советский Союз, 20 июня 1941 г., А. Розенберг на секретном совещании узкого круга нацистских лидеров выступил с большой речью, в которой он суммировал прежние высказывания, свои и своих товарищей по партии, по вопросу о политических целях войны. Содержание этой речи не оставляло сомнений в том, что нацисты стремились не только уничтожить социалистический строй и советское государство, но и лишить русский народ всякой государственности. Война, говорил Розенберг, «ведется не во имя образования неделимой России, а для проведения германской мировой политики». Её цель состояла в том, чтобы «выкроить из огромной территории государственные образования и направить их против Москвы, освободив тем самым Германскую империю на будущие века от восточной угрозы» [9, с. 121]. «Целью германской восточной политики по отношению к русским является то, чтобы эту первобытную Московию вернуть к старым традициям и повернуть лицом на Восток», резюмировал Розенберг [5, с. 17].

Из всего вышеизложенного со всей очевидностью явствует, что вторжение германской военщины в СССР 22 июня 1941 г. вовсе не было

превентивным ударом с целью упредить готовившееся нападение Советского Союза на Германию. Можно спорить о том, действительно ли И. В. Сталин собирался первым начать войну (аргументы в пользу этого тезиса в последнее время приводятся некоторыми зарубежными и отечественными исследователями и публицистами). Несомненно другое: военно-политическое руководство нацистской Германии долго и основательно готовилось к восточному походу, преследуя при этом вполне определенные захватнические цели.

Менее чем через месяц после нападения на СССР, в середине июля 1941 г., нацистские главарь приступили к практическому осуществлению задуманных мероприятий по «освоению» занятых территорий. 16 июля состоялось совещание в ставке Гитлера по вопросам об организации управления на Востоке. На следующий день последовал приказ Гитлера о гражданском управлении на оккупированных территориях. Общее управление этими территориями возлагалось на Министерство по делам оккупированных восточных областей, которое возглавил А. Розенберг. «Гражданские власти», гласил второй пункт приказа, «во вновь оккупированных восточных областях подчинены рейхсминистру по делам оккупированных восточных областей, если эти области не входят в компетенцию администрации пограничных с Рейхом или с генерал-губернаторством (Польшей – В. М.) территорий». Приказ устанавливал, что подчиненные рейхсминистру оккупированные области подразделяются на рейхскомиссариаты. Последние, в свою очередь, делятся на генеральные округа (Generalbezirke), а те – на округа (Gebiete). В тот же день, 17 июля 1941 г., Гитлер подписал указ о полицейской охране оккупированных восточных областей, которая возлагалась на рейхсфюрера СС и начальника полиции Г. Гимmlера, который наделялся правом отдавать рейхскомиссарам распоряжения по данному вопросу. Для осуществления полицейской охраны к каждому рейхскомиссару прикомандировывался старший начальник СС и полиции, непосредственно и лично подчиненный рейхскомиссару [1, S. 95–96; 9, с. 124–125].

Оккупированная советская территория, помимо тех областей, которые подлежали передаче государствам – союзникам Германии, была разделена на две части: территории, находившиеся под военным и под гражданским управлением. Первая часть, в свою очередь делилась на две зоны.

Первая – театр военных действий сухопутных войск – включала в себя территорию от линии фронта до тыловых границ групп армий и подразделялась на районы боевых действий и тыловые районы армий. Каждый район боевых действий (Kampfzone) подразделялся на корпусные округа (Korpsgebiete). Вся полнота власти в этих районах находилась в руках командных инстанций войсковых соединений. Тыловые районы групп армий (rückwärtigen Heeresgebiete) примыкали к тыловым районам отдельных армий. Тыловые районы как армий, так и групп армий подразделялись на полевые и местные комендатуры, которые территориально примерно совпадали с прежним советским административным делением [1, S. 107].

Далее к Западу находились территории, подлежащие передаче под гражданское управление. Передача оккупированных областей в гражданское управление началась 20 августа, а 1 сентября на этих территориях были образованы рейхскомиссариаты. Из четырех комиссариатов, образование которых было запланировано Розенбергом, фактически были образованы только два: «Остланд» и «Украина». Оба рейхскомиссариата имели в своем составе четыре главных отдела, ведавших национальной и расовой политикой, религией, правом, финансами и налогами, промышленностью, сельским хозяйством, транспортом и другими вопросами. Поставленные во главе их рейхскомиссары (соответственно Х. Лозе и Э. Кох) формально были ответственны непосредственно перед Розенбергом, фактически же обладали значительной самостоятельностью. В каждый рейхскомиссариат, наряду с органами гражданского управления, был назначен воинский начальник, имеющий под своим началом соответствующий военный контингент и располагающий широкими полномочиями; он имел право предпринимать любые меры, которые он считал необходимым для охраны оккупационного режима. Рейхскомиссариатам были также приданы подразделения полиции и СС. Рейхскомиссариат «Остланд» был разделен на четыре генеральных комиссариата – Литвы, Латвии, Эстонии и Белоруссии, в главе с генерал-комиссарами. Во всех прибалтийских республиках были созданы «самоуправления». Генеральный комиссариат Белоруссии и «самоуправления» Литвы, Латвии и Эстонии имели аппарат, копирующий аппарат рейхскомиссариата. Вся оккупированная территория РСФСР до самого конца оккупации оставалась под военным управлением, так же как

часть территории Белоруссии и Украины и Крым. План создания рейхскомиссариатов «Москва» и «Кавказ» так и остался на бумаге [1, S. 102, 105, 110; 4, S. 75].

В июле–августе 1941 г. последовала целая серия указов, приказов, распоряжений по вопросам оккупационной политики. 5 августа было издано распоряжение Розенберга о введении трудовой повинности в оккупированных восточных областях для всех жителей в возрасте от 18 до 45 лет. Лица, уклоняющиеся от выполнения трудовой повинности, подлежали заключению в каторжную тюрьму, оговаривалось, что «в особо тяжелых случаях может быть применена смертная казнь». 23 августа Розенберг подписал указ о вынесении специальными судами смертных приговоров лицам, не повиновавшимся оккупационным властям. «Все лица, осуществляющие акт насилия против немецкой империи на территории восточных оккупированных областей, подлежат смертной казни, а в менее тяжелых случаях – заключению в каторжную тюрьму», гласил приказ [9, с. 125–126].

Оккупационные власти уничтожили все советские выборные органы государственной власти. В областных центрах и некоторых других более крупных городах размещались резиденции окружных комиссаров – начальников округов. В районных центрах были назначены управы во главе с бургомистрами, в других населенных пунктах – старшины и старосты. Все местное население, проживавшее на оккупированной территории, строго учитывалось. Новые лица, появившиеся в городах и деревнях, должны были немедленно регистрироваться в полиции. Жителям запрещалось без особого разрешения властей отлучаться из населенных пунктов. Передвигаться по улицам можно было только в светлое время суток [5, с. 24–25].

В занятых областях оккупационные власти немедленно приступали к грабежу природных богатств и продуктов сельского хозяйства и промышленности. На основе директив «Зеленой папки» начали создаваться различные акционерные общества: Главное управление угольной промышленности Востока, Metallургические объединения «Восток», «Герман Геринг» и др. Они начали захватывать советские промышленные предприятия. Немецкие солдаты на Восточном фронте снабжались продовольствием за счет оккупированных территорий. В общей сложности они получили более 4 миллионов тонн зерна, 2 миллиона тонн картофеля, 400 тысяч тонн мяса, 300

тысяч тонн овощей, 120 тысяч тонн масла, 800 миллионов штук яиц. Одновременно происходил вывоз продовольствия в Германию. Всего с июля 1941 по март 1944 г. в Германию из оккупированных областей СССР было вывезено более миллиона тонн зерна, более 700 тысяч тонн жиров и растительного масла, 70 тысяч тонн мяса, 60 тысяч тонн сахара [1, S. 381, 386].

В ноябре 1941 г. Г. Геринг впервые озвучил мысль об использовании восточной рабочей силы на территории Рейха. 24 февраля 1942 г. последовало первое распоряжение по осуществлению массового принудительного перевода рабочей силы с оккупированных восточных территорий. Предполагалось направить 380 тысяч человек для использования в германской промышленности и 247 тысяч – в сельском хозяйстве [1, S. 442]. Общая политика, лежавшая в основе применения рабского труда, была сформулирована генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы Заукелем. 20 апреля 1942 г. он отмечал: «Необходимо максимально использовать имеющиеся людские ресурсы на захваченной советской территории. Если нам не удастся получить необходимое количество рабочей силы на добровольных началах, тогда мы должны немедленно ввести мобилизацию и принудительную повинность...». В специальных «Указаниях по обращению с иностранными рабочими из гражданского населения, находящимися в империи», разработанных гитлеровскими рабовладельцами, говорилось: «Восточных рабочих следует содержать в закрытых лагерях, которые они могут покидать только для производства работ, под постоянной охраной часовых или начальника лагеря. На мелких сельскохозяйственных предприятиях или в единоличных хозяйствах, где разрешено использование восточной рабочей силы, можно помещать рабочих вне лагеря в хорошо запирающемся помещении, где есть немец мужчина, который может взять на себя функции контроля» [5, с. 31, 33]. В марте 1942 г. в Германии находилось около 50 тысяч остарбайтеров (восточных рабочих), летом того же года – более миллиона, а к середине 1943 г. – около двух миллионов. Только из оккупированной части Ленинградской области за два года было угнано в Германию 254 230 жителей [10, л. 1]. Всего же до 30 июня 1944 г., по официальным немецким данным, с оккупированных советских территорий на принудительные работы было направлено 2 792 669 человек [1, S. 465].

Такова была теория и практика «восточной политики» нацистской

Германии. На всех оккупированных советских территориях, независимо от того, под каким типом управления они находились, осуществление этой политики означало откровенный грабеж государственной и личной собственности и неприкрытый террор в отношении местного населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Dallin A.** Deutsche Herrschaft in Rußland 1941–1945. Eine Studie über Besatzungspolitik. – Düsseldorf: “Droste”, 1958. – 727 S.
2. **Ganzenmüller J.** “...die Stadt dem Erdboden gleichmachen”. Zielsetzung und Motive der deutschen Blockade Leningrads // St. Petersburg – Leningrad – St. Petersburg. Eine Stadt im Spiegel der Zeit. – Stuttgart: Dt. Verl. Anst., 2000. – 350 S.
3. Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944). – М.: «Экономика», 1985. – 325 с.
4. **Müller N.** Wehrmacht und Okkupation 1941–1944. Die Rolle der Wehrmacht und ihrer Führungsorgane im Okkupationsregime des faschistischen deutschen Imperialismus auf sowjetischem Territorium. – Berlin: Militärverlag der DDR, 1971. – 432 S.
5. **Болтин Е. А., Шевченко Ф. П., Кравченко И. С.** Политика немецко-фашистских оккупантов на захваченной территории СССР в 1941–1944 гг. // Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944 гг.). Сборник статей / Под общ. ред. проф. Е.А. Болтина. – М.: «Политиздат», 1965. – 388 с.
6. **Schulte T. J.** The German Army and Nazi Politics in Occupied Russia. – Oxford: Oxford Press, 1989. – 512 p.
7. **Hürter J.** Die Wehrmacht vor Leningrad 1941/42. Krieg und Besatzungspolitik der 18. Armee im Herbst und Winter 1941/42 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. – В. 49. – 2001. – 3. Heft.
8. **Heim S.** Vordenker der Vernichtung. Auschwitz und die deutschen Pläne für eine neue europäische Ordnung. – Frankfurt a. M., 1993. – 427 S.
9. **Заставенко Г. Ф.** О роли германского министерства восточных оккупированных областей // Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944 гг.). Сб. статей / Под общ. ред. проф. Е. А. Болтина. – М.: «Политиздат», 1965. – 388 с.
10. Центральный государственный архив С.-Петербурга. Ф. 3355. Оп. 12. Д. 11.